

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/24099554/19/10

Письма А.М. Тургенева к В.А. Жуковскому: состав, проблематика, сюжеты

Анна Геннадьевна Кожевникова

Томский государственный университет, Томск, Россия, savanna1984@yandex.ru

Аннотация. Предпринимается попытка систематизации писем А.М. Тургенева, адресатом которых выступил В.А. Жуковский. Материалом исследования послужили 143 письма Тургенева 1823–1852 гг., 129 из которых впервые вводятся в научный оборот. Корпус писем Тургенева рассматривается в общем проблемном поле феномена эпистолярного наследия Жуковского и его корреспондентов как автобиографический и автопсихологический текст.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, А.М. Тургенев, письма, переписка, эпистолярная культура первой половины XIX в.

Источник финансирования: Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

Для цитирования: Кожевникова А.Г. Письма А.М. Тургенева к В.А. Жуковскому: состав, проблематика, сюжеты // Имагология и компаративистика. 2023. № 19. С. 188–201. doi: 10.17223/24099554/19/10

Original article

doi: 10.17223/24099554/19/10

Aleksandr Turgenev's letters to Vasily Zhukovsky: Composition, problematics, plots

Anna G. Kozhevnikova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, savanna1984@yandex.ru

Abstract. The ongoing project to publish the complete works and letters of Vasily Zhukovsky clearly posed the problem of a systematic scientific approach to the understanding of his epistolary heritage. In this context, the work on textological preparation, commenting, publication and introduction into scholarly discourse of response letters from Zhukovsky's correspondents seems to be of fundamental importance. This review article presents an attempt to systematize the epistolary works of Aleksandr Turgenev, who had a long friendship with Zhukovsky, as evidenced by the impressive corpus of correspondence. The material of the study was 143 letters by Turgenev of 1823–1852, 129 of which are first introduced into scholarly discourse. A frontal study of Turgenev's letters showed the irregular nature of the correspondents' dialogue. For example, the period of intensive correspondence between Turgenev and Zhukovsky falls on the six-year period from 1834 to 1839 and includes half of the entire corpus of Turgenev's letters; against this background, there are few messages earlier, in the 1820s – early 1830s, but their content shows that Zhukovsky and Turgenev maintained their friendly relationship. In this sense, Turgenev's epistolary of 1840–1852 seems to be more orderly: the less active written communication, due to the objective circumstances of both correspondents, is still stable. In terms of content, it is symptomatic that Turgenev's letters of 1823–1833. are distinctly autobiographical, while starting from the second half of the 1830s the semantic space of correspondence is shifting to the field of autopsychology. At the same time, it seems impossible to identify the leading theme of this epistolary dialogue: Turgenev's letters are invariably connected with the issues of the life of his family, but also show the ebullient, active nature of their author, who found himself in cramped material conditions. From this point of view, Turgenev's later letters addressed to Zhukovsky the family man are very indicative: the letters are extremely intimate, and Turgenev here claims to be a kind of a mentor, an older friend. It is no coincidence that it was in the letters of the 1840s that Turgenev for the first time enters into a dialogue with Zhukovsky the poet. Thus, it can be concluded that, with a high degree of probability, some part of Turgenev's epistolary works has been lost, but the composition

of the letters that have been preserved allows identifying the general semantic context of the dialogue between Turgenev and Zhukovsky: this seemingly private correspondence, over time, more and more clearly begins to display a philosophical intonation of reflections on life in general.

Keywords: Vasily Zhukovsky, Aleksandr Turgenev, letters, correspondence, epistolary culture of first half of 19th century

Financial Support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No.19-18-00083: Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication.

For citation: Kozhevnikova, A.G. (2023) Aleksandr Turgenev's letters to Vasily Zhukovsky: Composition, problematics, plots. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 19. pp. 188–201. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/19/10

Продолжающийся проект по изданию Полного собрания сочинений и писем В.А. Жуковского отчетливо поставил проблему системного научного подхода к осмыслению эпистолярного наследия поэта. С этой точки зрения работа по текстологической подготовке, комментированию, публикации и введению в научный оборот ответных писем корреспондентов Жуковского, инициированная исследовательским коллективом Томского государственного университета и поддержанная грантом Российского научного фонда, видится современной и своевременной. Статья В.С. Киселева и О.Б. Лебедевой «Письма к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры и эдиционная проблема» [1] дает зримое представление не только о материальном и смысловом масштабе ответных писем Жуковскому, но и о принципиальной значимости данного эпистолярия в контексте культуры XIX в.

Предлагаемая статья имеет обзорный характер и посвящена предварительному описанию блока писем Александра Михайловича Тургенева, адресованных Жуковскому в период с 1823 по 1852 г. Этот эпистолярий включает в себя 143 письма, большая часть из которых никогда не публиковалась: так, в печати на страницах журналов «Русская старина» за 1893 г. в № 1 [2] и «Русский архив» за 1908 г. (№ 11) [3] появилось всего 14 писем, изданных преимущественно в сокращении, с выпусками, а иногда и с ошибочными прочтениями. Одним

словом, сегодня более 90% писем Тургенева, в основном хранящихся в рукописном отделе ИРЛИ РАН, впервые становятся предметом системного исследования, а осмысление всего корпуса писем Тургенева позволит упорядочить представление о личности этого корреспондента Жуковского и о характере их эпистолярного общения.

Уже при первом приближении в письмах Тургенева обращает на себя внимание особая хронология: единичные послания датируются 1820-ми гг., тогда как генеральный массив почти поровну распределен между двумя десятилетиями 1830-х и 1840-х гг. При этом отчетливо выделяется шестилетие с 1834 по 1839 г. – это период интенсивной переписки Тургенева с Жуковским, к которому относится половина всех писем.

Симптоматично, что первое письмо, открывающее переписку Тургенева с Жуковским и датированное 1823 г., является, по сути, автобиографией. Александр Михайлович Тургенев (1772–1862/3), потомственный дворянин, военный и общественный деятель, с 1786 до 1814 г. находился на военной службе: «...был инспекторским адъютантом при фельдмаршале графе Иване Петровиче Салтыкове, при его королевском высочестве герцоге Александре Виртембергском, потом при графе Строганове и был в походах 1812 и 1813 годов, несмотря на тяжелую контузию, полученную в Бородинской битве, он в кампанию 1813 года опять находился и продолжал исполнение должности» [4. Л. 6–7]. В 1814 г. по состоянию здоровья вынужден был подать в отставку и вступить на поприще гражданской службы: с 1814 по 1822 г. – в департаменте внешней торговли Министерства финансов (управляющий Феодосийской портовой таможней, окружной начальник в Брест-Литовской таможне, начальник Астраханского таможенного округа), в 1823–1825 гг. – тобольский гражданский губернатор, в 1828 г. назначен казанским губернатором, но, не успев войти в должность, перешел на место директора медицинского департамента, откуда по собственному прошению был уволен в 1830 г. в чине действительного статского советника.

71 письмо Тургенева к Жуковскому, отправленное в период с 1834 по 1839 г., формируют поведенческий текст, позволяющий, прежде всего, проследить его человеческую судьбу. Если ранние письма автобиографичны, то переписка ударного шестилетия в высшей степени автопсихологична. Особая тональность этих писем про-

диктована действительно тяжелым состоянием Тургенева, обусловленным как материальными заботами (потеря содержания, безуспешные поиски места, долги), так и тяготами морального характера.

Весной 1834 г. Тургенев оказался в затруднительном материальном положении. Его пребывание на указанных ранее высоких административных должностях было сопряжено со множеством служебных перипетий. Так, в весьма показательном и характерном для Тургенева письме от 17 марта 1825 г. из Тобольска он выражает неприкрытую радость от известия об увольнении с должности гражданского губернатора и, подводя итог своей деятельности, заключает следующее: «...мне приходится отсюда путешествовать чуть-чуть не по образу пешего хождения, если задержит меня г<осподин> генер<ал>-губер<натор> здесь, то мне есть будет нечего, а если бы и было что, то меня отправят в несколько дней на лоно Авраамее, грабители меня здесь ненавидят, и как они не вертись, а выведены на свежую воду...» [5. Л. 1 об.]. Примерно тем же закончилось и пребывание Тургенева в должности директора медицинского департамента: из его писем Жуковскому от 10 января и 28 марта 1835 г. следует, что он вынужден был уволиться из-за несправедливого взыскания средств за некачественно изготовленные хирургические инструменты, чему немало способствовал, по уверению Тургенева, его «гонитель», «гнусная ракалия» Арсений Андреевич Закревский, бывший в 1828–1831 гг. министром внутренних дел.

Тем не менее после выхода в отставку Тургенев был причислен императорским указом к герольдии с сохранением жалованья директора и пенсионера за 1812–1814 гг. Однако весной 1834 г. обстоятельства изменились, именно эту проблему Тургенев излагает в письме Жуковскому от 29 марта 1834 г.: «...16 марта <1834 года> последовал Высочайший указ, коим повелено всех состоящих при Герольдии чиновников отставить; с сим вместе и производство жалованья прекратиться. Вообрази мое положение, я сорок лет служил, смею сказать честно и верно: все доставшееся достояние по наследству прожил на службе; имел счастье быть известным Государям и что ж? Теперь приходится умереть с голоду или перестать жить! Ах! друг, и горестно и обидно! Право, не знаю, что делать» [5. Л. 66].

Ощущение одиночества и несправедливости – вот, пожалуй, смысловые доминанты писем Тургенева 1834–1839 гг. Жуковский

принимал самое деятельное участие в решении насущных проблем Тургенева, выступая в роли посредника, доверенного лица, ходатая и, что более значимо, единственного друга: «...я остаюсь уверенным, что не забудешь о мне, грешном. Скажу тебе чистосердечно, ты один у меня, ты протянул мне руку, ты, которому я не имел случая оказать малейшего одолжения! Как в то же время люди, которым я сделал большие, да смею сказать, великие одолжения, не захотели отвечать мне» (письмо от 23 мая 1834 г.) [6. Л. 124] – эта более чем красноречивая характеристика Жуковского подкрепляется Тургеневым и устойчивым обращением «чистая душа Андреевич». При этом не случайно в эпистолярном пространстве данное сигнальное определение сопрягается со вторым по частотности использования знаковым словом «честь», к которому Тургенев активно обращается как к авторекомендации: «Горе! – великое горе тому, кто честно действует. Прости благосклонно мне это выражение; но я в продолжение всего прехождения на поприще службы беспрерывно был угнетаем, оскорблен, обижен за то, что действовал честно и бескорыстно! Наконец, как говорят, и камень от жара лопнет» (8 июня 1834 г.) [5. Л. 13–14]; «Вот что значит быть честным человеком! Не грабить, не набогатеть и служить, как говорится, верою и правдою!» (10 января 1835 г.) [5. Л. 276]; «Я уже не помню, сколько лет служил, и по всей совести, беспорочно, усердно и честно, мне же и знака отличия, в ознаменование сего установленного, не дают!» (6 июня 1835 г.) [5. Л. 31 об.]; «Теперь не знаю, куда обратиться и что предпринять? Худо – очень худо посвятить себя на службу, думать единственно о выполнении честно возложенных обязанностей и забывать себя!» (1 сентября 1835 г.) [5. Л. 34–34 об.]; «Меня блаженной памяти мин<истр> большая голова г<осподин> Гур<ьев> не хотел выпускать из ведомства своего, отзываясь, что ему честный человек нужен, а меня между тем давили и гнили и чуть-чуть честного не упрятали под суд. <...> Если честному человеку места нет, это уже есть мое несчастье, ибо все начальники говорят, что иском ищут честных людей» (10 сентября 1835 г.) [5. Л. 38–39 об.]; «Честный человек без денег или без состояния хуже тряпки! <...> Я искал занять три тысячи состояния на совершение купчей, но как у меня другого достояния нет, кроме 40-летнею службою приобретенной чести, то мне никто под залог чести не дал денег. Честь-де самое худое обеспечение!» (17 мая 1839 г.) [7. Л. 44].

Интересно, что вместе с тем из писем Тургенева складывается его весьма неоднозначный портрет. Наряду с обоснованными жалобами на жизнь и просьбами о помощи в поисках места эти человеческие документы буквально пестрят почти императивными обращениями Тургенева к Жуковскому, связанными с устройством судьбы его дальних родственников, воспитанников и знакомцев. Так, например, в письмах Тургенева 1836–1839 гг. разворачивается целый сюжет, посвященный судьбе сына слуги Тургенева Иоганна Классена, Вячеслава, который благодаря Жуковскому был устроен в Технологический институт и которого Тургенев фактически препоручил заботам друга. Позже, в 1838–1840 гг., не менее интенсивно заявит о себе и история крепостного Ефима Андреевича Балакина, в котором Тургенев усмотрел художественный талант и поэтому более чем настойчиво ходатайствовал за него перед Жуковским. Вероятно, так деятельная или, лучше сказать, кипучая натура Тургенева, оказавшегося в стесненных материальных условиях, проявляла себя. Думается, однако, что Тургенев был человеком с непростым характером: честность, исполнительность, верность долгу сочетается в нем с резкостью суждений, упрямством, недипломатичностью.

Симптоматичны в этом отношении письма 1835–1836 гг., демонстрирующие самый светлый и в то же время самый драматичный период в жизни Тургенева. Человек в возрасте, холостяк, не имеющий собственного дома и необходимого дохода, находящийся в весьма напряженных отношениях с близким кругом родственников, Тургенев 6 апреля 1835 г. сообщает Жуковскому о предстоящей женитьбе: «Если будет угодно Богу, после святой недели я вступлю в законный брак! Девушка, с которой соединю участь, богата душою, но никакого достояния не имеет, одна в мире: круглая сирота! Уже, благодаря бога, нет ни дядюшки, ни тетушки: нет ужасного и несносного родства! С 13 лет ее возраста я пекся о ее образовании, она всегда любила как отца. В 28 лет своей жизни согласилась быть мне супругой, утешением остатка жизни моей, великодушно и с терпением переносить все неприятности, сопряженные с бедностью! Богатые ближние родственники мои и первый из них родной брат мой Фёдор зияют на меня злобой за то, что я женюсь на бедной девушке! И я, хваля Бога, благодарю Его, Творца всемогущего, и уповаю, Он благословит брак наш милостью своею. Будущую супругу мою называют Пелагея Христиановна. Она лютеранка» [5. Л. 20].

Однако семейная жизнь менее чем через год закончится трагедией: 11 февраля 1836 г. жена Тургенева умерла после родов, оставив на руках Тургенева двухнедельную дочь Ольгу. «Нет слов к объяснению радости и горести, в одну и ту же минуту мною чувствуемых» [5. Л. 42] – эта рефлексия Тургенева во многом задает атмосферу писем с 1836 г. Счастье отцовства, умаляющее и сглаживающее ощущение одиночества, постоянно сопровождается тревогами Тургенева за здоровье и будущее своей дочери, и «мысль семейная» естественно занимает свое значимое место в его письмах. Жуковский как крестный отец Ольги принимал участие в ее судьбе, однако от опекуинства, несмотря на просьбы Тургенева, отказался.

Поведенческий текст эпистолярия Тургенева 1834–1839 гг., действительно, определяется достаточно резким эмоциональным настроением, который, безусловно, находит свое отражение не только на тематическом, но и стилистическом уровнях (ср. например, тональность письма от 10 января 1837 г., открывающегося следующим текстом: «Бог – крепость и сила моя, помощник и покровитель мой, уповаю на него. Благодарю Творца, пятьдесят девятый год живу: Господь не выйдет в суд со мной, кто живой оправдается пред ним: бездельником и червяком я не бывал. Благодарю Его, четырем царям служил по крайнему уменью. Благодарю, что беден я, что не ношу я звезд, кафтан не шитый золотом, достоинства я с заду не имею. Благодарю Его, два знака на груди – за труды – за пролитую кровь. Благодарю Творца, Андреич, любишь ты меня, в тебе я друга вижу. В жизнь вечную Господь воззвал мою Полинку, Его судьбы неисповедимы! Отраду – рай земной дал мне Господь – оставил Ольгу мне. Благодарю Творца, от злых слышу хулу, а добрые мною довольны. Благодарю Его, щедр и милостив Господь – не во все дни я несчастен. Хожу я каждый день в храм Господень, молю Творца мне Ольгу сохранить, тебя в молитве поминаю. Живу не без затруднения – да так велит Господь, скорблю только о том, что ближнему помочь я не могу, угодно Богу так! – вот тебе полный отчет, как я живу и как думаю» [7. Л. 1]). Неслучайно, по мысли А.С. Янушкевича, переписка Тургенева и Жуковского – это «письма о жизни вообще, о ее смысле» [8. С. 100], и если в этом эпистолярном диалоге тургеневский текст нередко в высшей степени экспрессивен, то письма Жуковского демонстрируют принципы «жизненной философии терпения как формы самостояния» [8. С. 100].

Действительно, «письма о жизни» несколько меняют свою тональность в 1840–1852 гг.: более упорядоченный быт, отсутствие каких-либо серьезных забот и проблем в воспитании дочери, наконец, вероятно, фактор возраста и, что интересно, иная, отчасти наставническая позиция Тургенева по отношению к Жуковскому – все это объясняет более спокойный характер его поздних посланий. По-прежнему важна в этом эпистолярном письме тема семьи: Тургенев исправно уведомляет Жуковского о том, как растет его крестная дочь, каковы ее успехи и как складывается характер: «Дочь твоя крестная, благодаря Бога, здорова, очень мила, ею не я один, отец ее, но все любят. Ольга всякий день тебя вспоминает и не называет уже папа косный, а правильно – папа крестный. Не учась почти, довольно хорошо по летам ее может прочесть на французском и русском языках. Ольга просит благословения твоего и вместе со мною обнимает тебя» [7. Л. 74–74 об.], «Ольга, по милости Бога, довольно здорова, просит твоего благословения! Умеет хорошо читать твои сочинения: любимые ее пьесы – “Шильонский узник” и “Царь Берендей”» [6. Л. 9–9 об.], «Дочь крестная твоя Ольга, по благодати Господней, растет помаленьку, одарена добрыми наклонностями, страстно любит читать твои сочинения, читает довольно хорошо по-французски и по-немецки, неплохо еще умеет говорить чужеземным глаголом: страстно любит музыку и пение и на каждом столе стучит пальцами, воображая, что она играет на фортепиано. Долго ли еще Бог благословит мне радоваться ей!» [6. Л. 21 об.]. В письмах с 1841 г. начинают встречаться отметки рукой самой Ольги, а последнее письмо от 20 января 1852 г. открывается обращением 16-летней дочери Тургенева к Жуковскому: «Милый папа крестный, позвольте Вашей крестнице присоединиться к толпе обрадованных новым изданием Ваших сочинений и поблагодарить Вас от сердца, полного драгоценным вниманием Вашим, за присылку экземпляра. Книги Ваши всегда будут лежать на моем письменном столе, чтобы я могла как можно чаще наслаждаться чтением Ваших неподражаемых сочинений. Я по-прежнему продолжаю с нетерпением ожидать Вашего возвращения на родину и молиться за Ваше милое семейство. До свиданья же и, надеюсь, до скорого свидания, еще раз благодарю Вас и, крепко обнимая, остаюсь преданная крестница Ваша» [9. Л. 1–2].

Особая же роль Тургенева в аспекте «мысли семейной» проявилась в деятельном участии по отношению к судьбе Жуковского после его женитьбы. Тургенев получил известие о предстоящем браке Жуковского не позднее октября 1840 г. из письма, адресованного А.П. Елагиной, которое они читали вместе. Несмотря на то что, судя по эпистолярию Тургенева, Жуковский отдельно не уведомил друга ни о своих намерениях, ни – позднее – о свадьбе, это не внесло размолвки в их отношения. Свидетельство тому – лирические и демонстрирующие высокий уровень эмпатии письма Тургенева 1841 г. от 13 апреля («Тебя ждет твоя Елизавета, будь всеосущественно уверен, ты будешь счастлив в супружестве. Быть может, что теперь тебе много хлопот, много забот; что не так идет, не так клеится, не так ладится, как бы следовало – да все по милости Божией будет хорошо. Береги здоровье, оно тебе надобно теперь и не для одного тебя» [б. л. 5]), от 23 сентября («Я ждал, я долго ждал, я верил обещанию твоему, что прежде мне и никому о совершении брака ты напишешь. Нет вести от тебя! Нет дива: как новобрачные – у вас и души и сердца слились в одно! Вы всех и все забыли. Наверное, минуты были, что вы себя самих позабывали! Минуты райские! когда вкушали восторг и сладость душ, дотоле несведомое вам! Желаю вам, чтоб этот быт во всю жизнь продолжился. Но хрупнуло мое терпенье – беру перо писать упрек! Кому? Андреевичу моему. По сердцу, по душе я твой. Ты тысячу мне раз сказал, ты сотни раз ко мне писал “мой любезный Ермолаф”! и вдруг пять месяцев ни слова!!! Мне было грустно слышать о совершении брака от чужих и слышать от людей таких, которые коварно улыбаются» [б. л. 9]), от 28 октября («Любезный, искренный, истинный друг мой, родной не по телу – родной мне по душе, добрый мой, чистая душа Андреевич! Ермолаф твой не усумнился и на одно мгновение, ему и на мысль не всходило, чтобы Жуковский мог когда-либо забыть своего Ермолафа. Нет! Молчание твое, лень твоя его восхищали, он понимал, чувствовал, что ты, друг его, счастлив, исполнен радостью, что вся душа, весь состав твой занят, исполнен Елисаветой! Ермолаф сорадовался, восхищался, тысячи раз желал быть птичкой, чтобы лететь к вам, видеть вас, наслаждающихся на земле блаженством райа! И вместе с сим был и есть всеосущественно уверенным в том, что ангел, вечный жилец, владелец души твоей, оставит в ней уголок твоему Ермолафу. Он, т<о>

е<сть> я, теперь также имею честь быть Ермолафом и твоего ангела, владетеля души твоей; иначе быть не может, сказано и будут два в плоть едину! Глагол Господен в вас совершился» [6. Л. 11]), от 25 декабря, 18 января, 11 мая, 18 ноября 1842 г., 18 января 1845 г.

Более того, Тургенев передает Жуковскому наставления самого интимного характера; так, узнав о первой несохраненной беременности Елизаветы, он немедленно сообщает другу следующие рекомендации: «Жалею, сколько может жалеть человек и друг, что на заре прелестного рейнского твоего утра пробежало темное облачко. <...> наблюдай, чтобы твоя Елизавета не ходила по горам, по лестницам, чтобы не скоро ходила; в экипаже ездить не скоро, чтобы не было сильного сотрясения. Надобно время пострадавшим и оттого ослабевшим частям совершенно укрепиться; сего не иначе можно достигнуть, как при спокойном, плавном движении без наималейшего усилия. Что принадлежит до тебя, ты разрешение должен получить от врача и повивальной бабки. <...> Не пренебреги совета, у вас есть гомеопаты, посоветуйся с гомеопат<ическим> доктором, одни гомеопаты знают средства, чтобы женщина никогда не будет выкидывать, и для сего употребляют *sabina*» [6. Л. 11–12 об.].

Не менее трогательное отношение обнаруживает Тургенев и в письмах 1842 г. после известия о грядущем рождении у Жуковского первого ребенка: «Не умею прибрать слов, как бы высказать – сильно, ясно, велеречиво, сколь много обрадовала меня грамотка твоя от 3/15 окт<ября>: мне вручена она 17-го октября нашего, т.е. старого стиля. Четыре месяца молчания – ужасно и подумать! Благодарю Творца, ты и твоя Елизавета живы и оба здоровы, и нет. Она в настоящем положении, вероятно, подвержена незначительным и без последствий припадкам, ты от боязни за нее крехтишь: оба вы в этом деле толку не знаете – новички. В ожидании следующей грамотки от тебя я как на иглах буду сидеть!» (23 октября 1842 г.) [6. Л. 21]. Одним словом, в эпистолярной данности данного периода царит атмосфера сердечно-дружеская, приятельская, неслучайно кратно по сравнению с письмами 1830-х гг. возрастает употребление Тургеневым своего шуточного прозвища *Ермолаф*, что, несомненно, подчеркивает и акцентирует его совершенно особое отношение к Жуковскому.

Необходимо отметить, что смысловое пространство поздних писем Тургенева не ограничивается семейно-бытовой тематикой:

именно в эпистолярной 1840-х гг. он впервые вступает в диалог с Жуковским-поэтом. На фоне довольно дежурных и нераспространенных фраз в переписке второй половины 1830-х – начала 1840-х гг., мельком касающихся этой темы (просьбы прислать сочинения, уведомление о любимых произведениях Жуковского у Ольги), репрезентативно обращают на себя внимание четыре письма Тургенева от 11 ноября 1847 г., 12 ноября 1848 г., 9 января и 8–9 декабря 1849 г. Дело в том, что Жуковский в письмах 1847–1848 гг. подробно рассказывал Тургеневу о переводе «Одиссеи» как о своем главном поэтическом произведении, однако получил от последнего довольно критически настроенный ответ: «Ты начал великое, добавлю – и доброе дело напечатания твоих сочинений, они всегда будут образцовыми. Писатели настоящего времени сбились с панталыка, плят на широкоплечее туловище узкий, кургузый кафтан. Это не по кости скроено; и чем далее, тем хуже будут ермолафствовать. Весьма благосенномественно придумал, друг, напечатать сочинения твои вне православия, они будут исправно тиснуты и несравненно дешевле. Благородное, высокое чувство, чуждое ячества и тщеславия, передать русскому глаголу то, что 3000 цвело неувядаемо! Но в наше осиновое столярное время кто будет читать “Одиссею”? Кто читает “Илиаду” Гнедича? Покоится на полке в смиренной тишине, сугубо пылью покрывшись. Собери силы, друг, огонек твой не погас, напиши-ка свое – так готов ручатся в том, что второе издание в течение года потребуют, да помни – формат в 8. В наше время миниатюрное» [б. л. 93 об.–94.] – такова была первая реакция Тургенева на известие о труде Жуковского. И впоследствии в письмах Тургенева сохраняется именно этот посыл: говорящие определения («Бред, глупивший греков», «сонная греза» [б. л. 99]), возгласы отчаяния («Кто будет, спрашиваю, читать “Одиссею”?» [б. л. 101–101 об.], «Если статьи Б<елинского> и Кр<аевского> восхищают, где же вы обрящете читателей для “Одиссеи”? глас вопиющего в пустыне!» [б. л. 105 об.], «Вздурившиеся тевтоны тебя, друг, встревожили до того, что ты взялся за авось! Искренно – всей душой жалею» [б. л. 100]), призывы к Жуковскому написать *свое* – все вышеупомянутое, думается, имеет отношение и к эстетической повестке эпистолярной Тургенева, и одновременно к той самой атмосфере «писем о жизни вообще» этой, на первый взгляд, частной и в определенной степени

интимной переписки, в которой со временем все отчетливее начинает проследиваться философская интонация.

Она особенно ощутима в последнем письме Тургенева от 20 января 1852 г., отправленного за несколько месяцев до смерти Жуковского, в котором, несмотря на его лаконичность, сопрягается бытовое и бытийное, упоминаются все принципиальные для их эпистолярного диалога знаки духовной связи, а итоговая во всех смыслах фраза завершает письма Тургенева к Жуковскому на умиротворенной ноте: «Что тебе сказать? Старею и старею. Это слово неблагозвучно! Однако же хожу еще по образу пешего хождения, все прошлое свежо помню, как бы это теперь совершилось» [9. Л. 2].

Список источников

1. Киселев В.С., Лебедева О.Б. Письма к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры и эдичионная проблема // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 35–47.
2. Из переписки А.М. Тургенева с В.А. Жуковским // Русская старина. 1893. № 1. С. 249–252.
3. Из бумаг В.А. Жуковского // Русский архив. 1908. № 11. С. 392–398.
4. РО ИРЛИ. № 28280.
5. РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 9. № 98.
6. РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 9. № 100.
7. РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 9. № 99.
8. Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к А.М. Тургеневу: опыт предварительного описания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 95–104.
9. РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 9. № 114.

References

1. Kiselev, V.S. & Lebedeva, O.B. (2019) Letters to Vasily Zhukovsky as a Phenomenon of Russian Culture and an Editorial Problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 35–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/5
2. *Russkaya starina*. (1893) Iz perepiski A.M. Turgeneva s V.A. Zhukovskim [From the correspondence of A.M. Turgenev with V.A. Zhukovsky]. 1. pp. 249–252.
3. *Russkiy arkhiv*. (1908) Iz bumag V.A. Zhukovskogo [From the papers of V.A. Zhukovsky]. 11. pp. 392–398.
4. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. No. 28280.
5. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. R. 1. List 9. No. 98.

6. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. R. 1. List 9. No. 100.
7. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. R. 1. List 9. No. 99.
8. Yanushkevich, A.S. (2010) Letters from V.A. Zhukovsky to A.M. Turgenev: the experience of preliminary description. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 4 (12). pp. 95–104. (In Russian).
9. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. R. 1. List 9. No. 114.

Информация об авторе:

Кожевникова А.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: savanna1984@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.G. Kozhevnikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: savanna1984@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 11.05.2022.

The article was accepted for publication 11.05.2022.